

Сергей Лоз
**ПО КОМУ
ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ?**

Сергей Котов

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73539228

SelfPub; 2026

Аннотация

«По ком звонит колокол?» – это произведение-гнев, произведение-боль. Это попытка поэтическими средствами сказать о том, что новостные сводки часто обезличивают: о цене человеческой жизни в разных системах координат. Автору удалось главное – создать в душе читателя незаживающую рану от сопоставления «прекрасной ветхой Гаваны» и «стерильного ада Эпштейна».

Это не та книга, которую можно читать беспристрастно. Это удар, и удары, как известно, не бывают «объективными» – они бывают сильными или слабыми. Данный текст – сильный. Несмотря на некоторую идеологическую плакатность и склонность к гиперболам в сценах «острова зла», это важное высказывание о том, что выбор между «совестью и счетом в банке» совершается каждый день и каждым из нас.

Рекомендация: К прочтению теми, кто ищет в литературе не только эстетику, но и острый социальный нерв. Требуется эмоциональной готовности к тяжелым сценам и открытой политической ангажированности автора.

Содержание

Пролог: Карты мира, сложенные пополам	4
Часть первая. Остров Свободы: Крепость в океане	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Котов ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

Пролог: Карты мира, сложенные пополам

Я раскладываю на столе две карты.

Не для того, чтобы сравнивать.

Для того, чтобы понять:

кто кого окружил.

Одна – остров,

обведенный блокадой.

Не красным кружком —

колючей проволокой по воде,

авианосцами по периметру,

законами, запрещающими

торговать хлебом,

лечить детей,

менять лампочки.

Шестьдесят лет удавка

стягивается на горле,

а остров дышит,
потому что легкие
натренированы
не кислородом —
упрямством.

Посмотрите:

за пальмами — не проволока,
за пальмами — флот,
который сторожит,
чтоб никто не приплыл
с лекарствами,
с правдой,
с надеждой.

А люди все равно
стоят на Малконе,
смотрят на север
не с мольбой —
с презрением.

Они знают:

тот, кто душил,
боится.

Бойтся, что однажды
этот остров
покажет миру:
можно жить иначе.

Вторая карта —

распечатка со спутника.

Частный остров,

где другие законы.

Там закон один:

все продается.

И если продается детство —

значит, есть спрос.

Если есть спрос —

значит, это бизнес.

Если это бизнес —

значит, это свято.

Здесь пальмы растут

не из песка,

а из пачек долларов,

политых кровью,

которую не видно

на черном шелке.

Здесь ландшафтный дизайн

вылизан до стерильности,

чтобы запах смерти

не отвлекал

от десерта.

Я складываю карты вместе.

Теперь видно:

эти два острова —

не сообщающиеся сосуды,

не два берега одной реки,
не полюса одного магнита.
Это две вселенные,
которые никогда не встретятся,
потому что одна
живет по закону
«человек – брат»,
пусть и с перебоями,
пусть и под блокадой,
а другая —
по закону
«человек – цена».

И если я
переплыву
от одного
к другому,
я пересеку
не океан,
а границу,
которую капитал
провел
прямо
по живым.

Яхты плывут.
Они не знают,
что их компасы

давно сломаны —
стрелка дрожит
не между Гаваной и Майами,
а между совестью
и счетом в банке.

Одни плывут туда,
где их ждут
с распростертыми объятиями
и удавкой наготове.

Другие —
туда,
где объятий не будет,
но будет правда,
которая дороже.

Граждане!

Если вы держите в руках
эти листы —

не верьте
пунктирным линиям.
Земля не терпит лжи.

Она круглая.

И если где-то
пальма выросла
из крови,
то где-то
эта кровь

стала удобрением
для свободы.

Я убираю карты.

Пора в путь.

Не для того,
чтобы найти ответ.

Для того,
чтобы увидеть своими глазами:
что стоит,
а что сгнило,
что дышит,
а что провоняло
хлоркой
и безнадегой.

Часть первая. Остров Свободы: Крепость в океане

Глава первая. Гавана, которая выстояла

Я сошел на берег в полдень.
Солнце стояло над Малконом,
как расплавленный медный цент,
который не купит здесь ничего,
потому что здесь
не все продается.
Гавана дышала в лицо
сыростью и солью,
запахом черных бобов,
которые варятся на медленном огне
в глубине патио,
и запахом бензина —
дефицита,
который научили
экономить.
Колониальные особняки —
старухи с обвалившимися щеками,
их лепнина осыпается на тротуары,

как пудра с лица умирающей графини.

Но посмотрите им в глаза —

в проемы окон:

там нет стыда за ветхость.

Там вызов.

«Мы стоим», — говорят они, —

мы стоим, несмотря на то,

что полмира старалось

нас свалить».

Балконы держатся на честном слове

и на вере,

что завтра будет не так,

как вчера,

а лучше.

Потому что хуже —

когда тебя душат,

уже было.

И это пережили.

А по мостовым —

американские лайнеры пятидесятых,

выкрашенные в кислотные цвета:

розовый, бирюзовый, оранжевый.

«Шевроле» и «Плимуты»

с двигателями,

перебранными руками

сантехников и поэтов.

Они сверкают хромом,
как новенькие,
но пахнут внутри
не бензином и тоской,
а бензином и гордостью:
мы их починили,
мы их сохранили,
мы не дали им сгнить,
как сгнивают люди
в очереди за прибылью.
Кабриолет цвета спелой гуайявы
остановился у набережной.
Водитель, негр в соломенной шляпе,
крикнул:
– Амиго! Садись,
прокачу по временам,
которых нет!
Я засмеялся и сел.
Ветер рвал рубашку,
пока мы летели
мимо разрушенных арок
и свежевкрашенных фасадов,
мимо детей,
гоняющих мяч на площади Революции,
мимо очередей за хлебом,
которые выются, как змеи,

но змеи эти
не ядовиты —
они просто ждут.
Ждут, когда кончится блокада,
когда приплывут корабли
не с войной,
а с мукой.
— Сколько лет блокаде? —
спросил я у водителя.
Он обернулся,
усмехнулся золотым зубом:
— Шестьдесят.
А мы все ездим.
Видишь? —
он хлопнул по рулю,
и руль отозвался
гулким железным стоном.
— Эта машина старше меня.
И старше блокады.
И моложе нашей веры.
Мы остановились у «Эль Флоридиты».
Бар стоял на месте уже сто лет,
и кондиционеры выстудили внутри
вечную осень.
За стойкой — китаец с лицом Будды,
он протирал бокалы так медленно,

будто отмерял время
между жизнями.

В углу, у стены,
увешанной фотографиями,
сидел он.

Белая борода, свитер даже в жару,
глаза – рыболовные крючки,
зацепившиеся за что-то
на самом дне.

Хемингуэй.

Не призрак упадка,
а иностранец,
который понял правду
раньше многих.

– Садись, – сказала тень.

Голос скрипел,
как несмазанная лебедка.

– Ты думаешь, я умер?

Нет, старина,
я просто жду,
когда кончится этот
дурацкий спектакль
с блокадой.

Я видел их всех.

Фидель заходил после Сьерры,
заказывал молоко, как ребенок.

Че стоял вон там, у стойки,
пил кофе и смотрел на карту мира.
Они хотели переделать мир.
А мир в это время
заказывал еще одну порцию дайкири
и плел сети,
чтобы удушить этот остров.
Тень исчезла.
Остался только недопитый бокал
и фотография на стене:
бородач с папиросой,
рядом – рыба-меч,
которая весит больше,
чем вся американская пропаганда.
Я вышел на улицу.
Ночь стояла в переулках Гаваны-Вьеха,
густая, как патока.
Фонари светили вполнакала —
экономия.
Но из открытых дверей кафе
лилась музыка,
и в ней не было тоски.
В ней была ярость.
Ярость жизни,
которую не сломать
ни блокадой,

ни голодом,

ни годами.

У стены сидел старик.

Негр, кожа – как старый портфель,

руки – корни мангровых деревьев,

державшие когда-то мачете.

Он сидел на перевернутом ящике

и смотрел, как луна

карабкается по фасаду собора,

цепляясь за каждую статую.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Добрый, – ответил он.

– Если ты не ждешь,

что тебе подадут

свободу на тарелке.

Свободу берут сами.

Или не берут.

Мы взяли.

И теперь платим.

Шестьдесят лет платим.

Но это лучше,

чем продаваться.

Он похлопал по ящику рядом.

Я сел.

– Я рубил тростник, —

сказал он, глядя прямо в стену.

– Пятьдесят лет.

Сын рубил.

Внук уже не рубит —

он в Майами стрижет газоны

и шлет нам деньги.

Деньги – это хорошо.

Но газоны в Майами

политы слезами тех,

кто не выдержал.

А тростник здесь

полит потом тех,

кто выстоял.

Ты знаешь, какой он,

сахарный тростник?

Он выше человека.

Он режет руки, если не знаешь,

как взять.

Но когда он горит на плантациях —

это красиво.

Очень красиво.

Огонь бежит по полю,

трещит, черный дым валит до неба.

Мы жгли тростник перед уборкой,

чтобы легче было.

И стояли в дыму, с мачете,

и пели.

– Что пели?

– спросил я.

Старик посмотрел на меня
и вдруг запел тихо,
скрипуче:

"Cuando vine a la zafra,
me dijeron, me dijeron...

Cuando vine a la zafra,
me dijeron que era pa'l porvenir..."

– Это про будущее, – сказал он.

– Нас позвали на заготовку
ради будущего.

Ради того, чтобы дети
не знали голода.

И мы рубили.

Рубили так, что руки отнимались.

А будущее пришло.

Не такое, как обещали.

Труднее.

Злее.

С блокадой.

С голодом.

С очередями.

Но это наше будущее.

Мы его выбрали.

И его у нас не отнять.

Он встал,
разминая затёкшие ноги.
Колени хрУстнули, как сухие ветки.

–Ты иди, – сказал он.

– Иди, смотри.

Понюхай наш воздух.

Он пахнет морем,
тростником и тем,
что не сдАлось.

А завтра приходи на Малекон.

Там все старики сидят
и смотрят на воду.

Мы не ждем чуда.

Мы смотрим на врага.

Чтобы он знал:

мы помним.

Всё помним.

Каждый выстрел.

Каждый запрет.

Каждое лекарство,
которое не доплыло.

Мы помним —

значит, мы живы.

Он ушел, растворился в арке,
оставив после себя
запах дешёвого табака

и тот странный золотой блеск
во тьме.

Я остался на площади.

Часы на соборе пробили полночь.

Двенадцать ударов,
как двенадцать лет блокады,
которые уже были,
и еще сорок восемь,
которые будут,
но остров стоИт.

В гостинице, куда я приду под утро,
на стене будет висеть портрет Че
с надписью:

«Hasta la victoria siempre».

До победы всегда.

Не «если»,
не «когда-нибудь»,
а «всегда».

Потому что путь к победе
и есть победа,
если ты не свернул.

Глава вторая. Блокада. Баллада о кислороде

Я вышел на Малекон утром.

Волны били в стену,
как годы бьют в гранит терпения.
Старики сидели на парапете,
смотрели на север,
где за горизонтом
стояла империя,
которая не может простить
одного:
что нашлась земля,
сказавшая «нет».
Один из них,
с лицом, изрезанным морщинами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.